

Ю. Никольский

История одной вражды

**Переписка Достоевского и
Тургенева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Н64

Н64 **Никольский Ю.**
История одной вражды: Переписка Достоевского и Тургенева / Ю. Никольский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 108 с.

ISBN 978-5-458-52362-2

Очерк Ю. Никольского нужно приветствовать именно за стремление перенести вопрос из круга интриг, сплетен, мелкой вражды и доносов в иную плоскость, где нет ни правых, ни виновных, где, как в настоящем трагедии, завязка и развязка действия происходит за пределами человека" (из рецензии Сергея Карцевского). "Вопрос об отношениях Тургенева и Достоевского привлекал внимание исследователей К ним подходили очень субъективно. Либо слишком доверялись Тургеневу и все сваливали на дурной характер Достоевского, либо давали одни только материалы. Я поставил своей задачей собрать все известное об этих отношениях и проникнуть в их глубокий смысл" (из книги).

ISBN 978-5-458-52362-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тился тѣмъ, какъ геніально выступилъ Достоевскій на своемъ поприщѣ, съ какимъ безстрашнымъ самоутвержденіемъ. Планы толпятся у него въ головѣ, ощущение своей мощи необыкновенно, все кругомъ — подтверждаетъ мечту. Литераторъ-современникъ (Панаевъ) разсказалъ объ этомъ триумфальномъ шествіи: „его мы носили на рукахъ по городскимъ стогнамъ и, показывая публикѣ, кричали: „Вотъ только что народившійся малenkій геній, который со временемъ убьетъ своими произведеніями всю настоящую и прошедшую литературу. Кланяйтесь ему! Кланяйтесь!“ Объ немъ мы протрубили вездѣ, и на площадяхъ, и въ салонахъ. Одна барышня съ пушистыми бровями и съ блестящимъ именемъ, бѣлокурая и стройная, пожелала его видѣть и нашъ кумирчикъ былъ поднесенъ къ ней . . . Барышня изящно пошевелила своими губками и хотѣла отпустить нашему кумирчику прелестный комплиментъ, какъ вдругъ онъ поблѣднѣлъ и зашатался. Его вынесли въ заднюю комнату и облили одеколономъ. Онъ очнулся, но уже больше не выходилъ въ салонъ“

Это описаніе напечатано въ 60-хъ годахъ, въ самомъ началѣ. Писавшій не думалъ, какъ пророчески оправдаются его слова о геніальности „кумирчика“! Достоевскій его не опровергъ. Очевидно, случай на балу былъ. Имъ то объясняются сохранившіеся шуточные стихи Тургенева и Некрасова:

Посланіе Бѣлинскаго къ Достоевскому.

Витязь горестной фигуры
Достоевскій милый пыщъ,
На носу литературы
Рдѣешь ты, какъ новый прыщъ.

Хоть ты новый литераторъ,
Но въ восторгъ ужъ всѣхъ повергъ:
Тебя хвалить Императоръ,
Уважаетъ Лейхтенбергъ,
За тобой султанъ турецкій
Скоро вышлетъ визирей,
Но когда на раутъ свѣтскій
Передъ сонмище князей,
Ставши миеомъ и вопросомъ,
Паль чухонскою звѣздой
И моргнулъ курносымъ носомъ
Передъ русой красотой,
Такъ трагически недвижно
Ты смотрѣлъ на сей предметъ,
Что чуть-чуть скоропостижно
Не погибъ во цвѣтѣ лѣтъ.
Съ высоты такой завидной,
Слухъ-къ мольбѣ моей склоня,
Брось свой взоръ пепеловидный,
Брось, великій, на меня.

Въ февралѣ 1846 г. Достоевскій жаловался брату:
„свои, наши, Бѣлинскій и всѣ мною недовольны за
Голядкина“. Объ этомъ недовольствѣ *Двойникомъ* гово-
рится и въ стихахъ, что указываетъ на ихъ болѣе позд-
нее написаніе:

Раді будущихъ хваленій
(Крайность, видишь, велика)
Изъ неизданныхъ твореній
Удѣли не „Двойника“.
Буду нянчиться съ тобою,
Поступлю я, какъ подлецъ,
Обведу тебя каймою,
Помѣщу тебя въ конецъ *).

---

*) Въ первоначальной редакціи: во 2-мъ стихѣ вм. „милый“ — „юный“, въ 5-мъ вм. „юный“ — „новый“, въ 22-мъ вм. „слухъ“ — „взоръ“. Драгомановъ, опубликовавшій документъ, не вѣрно полагаетъ, что кайма относится къ *Двойнику*. У Полонскаго въ двухъ, приводимыхъ имъ строфахъ — первоначальная редакція и кромѣ того: „тебя *хвалить* Императоръ“ и „ты *вскочилъ* какъ“, а не „*рѣгнешь* ты какъ...“ Въ

Достоевскій потребовалъ, чтобы *Блѣдые Люди* были напечатаны особымъ шрифтомъ и помѣщены въ началѣ или концѣ книги, обведенные какимъ либо типографскимъ знакомъ — золотымъ бордюромъ, или каймой (этотъ жестъ тоже обольстилъ Гамсуна). Вѣроятно, слухи о каймѣ сильно преувеличены, но о ней упоминаютъ Анненковъ, Панаевъ и Григоровичъ. Много лѣтъ спустя, несмотря на всѣ возраженія, Анненковъ, *ссылаясь на Тургенева*, пишетъ Стасюлевичу: „я самъ видѣлъ первые экземпляры Сборника съ рамками. Я считаю нужнымъ разъяснить настоящее обстоятельство, подрывающее довѣренность и къ другимъ свидѣтельствамъ моей статьи. Можетъ быть, что злосчастной рамкой надѣлены были только первые экземпляры Петер. Сборника и опущена она въ послѣдующихъ экземплярахъ, какъ смѣшная выдумка, оскорбляющая всѣхъ прочихъ авторовъ“.

„Н. Врем.“ (3 мая 1880)—указаніе, что стихотвореніе печаталось въ *Соврем.* 50-хъ г. г. и „въ отдѣльномъ изданіи фельетоновъ новаго поэта, появившемся въ 1860 г.“. (Очевидно Панаева, автора воспоминаній обморока на балу). Приписывается оно Некрасову и Панаеву, а не Тургеневу. Головачева-Панаева—источникъ вообще чрезвычайно сомнительный (на что указывалъ А. Ѳ. Кони) передаетъ, что существовали еще другіе тургеневскіе стихи, гдѣ Дѣвушкинъ благодаритъ своего создателя за то, что онъ повѣдалъ міру о его существованіи. Вообще острый на языкъ Тургеневъ зло высмѣивалъ „милаго пыща“, т. ч. Бѣлинскій сказалъ ему однажды: зачѣмъ спорить съ большимъ человѣкомъ. Публично Тургеневъ однажды при Достоевскомъ будто бы рассказалъ, намекая на него, объ одной смѣшной личности, встрѣченной имъ въ провинціи и возомнившей о себѣ. Изъ той-же области рассказъ Павловскаго (Isaak Pavlovsky), записанный со словъ Тургенева очень поздно и потому не заслуживающій довѣрія.

Pavlovsky рассказываетъ:

Однажды у Тургенева собрались гости: Бѣлинскій, Огаревъ, Герценъ и другіе. Играли въ карты. Кто-то сказалъ какую-то глупость какъ разъ въ то время, когда входилъ Достоевскій. Поднялся страшный хохотъ. Достоевскій, блѣдный, остановился на порогѣ и затѣмъ, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты. Когда потомъ Тургеневъ спросилъ камердинера о Федорѣ Михайловичѣ, тотъ отвѣтилъ: они уже часъ какъ гуляютъ по двору безъ шапки.

Былъ лютый холодъ (froid de loup). Тургеневъ выскочилъ на дворъ.

— Что съ вами, Достоевскій?

— Боже мой, это невозможно! Куда я не приду, вездѣ надо мной смѣются. Къ несчастью я видѣлъ съ порога, какъ вы засмѣялись, увидавши меня. И вы не краснѣете?

Несмотря на всѣ увѣренія Тургенева, что ни у кого и въ мысляхъ не было надъ нимъ смѣяться, Достоевскій ничего не хотѣлъ слушать и, взявъ шапку, удалился.

Нужно сказать, что въ Петербургскомъ Сборникѣ *Бѣдные Люди* напечатаны, хотя и первыми, но рѣшительно *безъ* всякихъ рамокъ. Анненкову просто, вѣроятно, примерещилось. Заявленіе 18-го Мая 1880 г. въ *Новомъ Времени* исчерпывало споръ: „Ѳ. М. Достоевскій, находясь въ Старой Русѣ, гдѣ онъ лечится, просить насъ заявить, что ничего подобнаго тому, что рассказано въ *Вѣстникѣ Европы* П. В. Анненковымъ насчетъ каймы не было и не могло быть. Между тѣмъ Тургеневъ упорно распространялъ слухи о каймѣ до и послѣ опроверженія. Леонтьевъ говоритъ въ 1888 г., что Тургеневъ сказалъ ему, предостерегая, въ то время, когда Достоевскій былъ на каторгѣ: „Такимъ молодымъ л юдямъ, какъ вы, изъ личнаго достоинства не надо при первыхъ успѣхахъ давать волю своему самолюбію. Вотъ какъ, напри^мѣръ, случилось съ этимъ *несчастнымъ* Достоевскимъ. Когда отдавалъ свою повѣсть Бѣлинскому для изданія, такъ увлекся до того, что сказалъ ему: „знаете мою то повѣсть надо бы какимъ нибудь бордюрикомъ обвести“. Зачѣмъ же дѣлать себя смѣшнымъ“. Въ 1879 г. и 1881 Тургеневъ снова касается каймы. Эти воспоминанія достовѣрны. Первое — записано тотчасъ же послѣ рассказа, 27 мая 1879 (опубликовано въ 1887 г.); имени Достоевскаго нѣтъ („является къ Бѣлинскому молодой человѣкъ“...), — передъ нами добросовѣстно переданный анекдотъ, не привязанный къ извѣстному лицу. Второе воспоминаніе — Полонскаго, который съ особой бережностью передавалъ всѣ касающіеся Тургенева факты. Къ сожалѣнію, легенда о каймѣ или рассказывалась Тургеневымъ, или записывалась его знакомыми уже послѣ его ссоры съ Достоевскимъ и ею она могла быть окрашена въ соотвѣтствующую краску.

Въ тургеневской эпиграммѣ — добродушное высмѣиваніе: „Достоевскій *милой* пыщъ“. Но Полонскій правъ,

что забывъ самый фактъ — Достоевскій, при своей болѣзненной мнительности, могъ сохранить безсознательное и глухое сѣмя вражды. Письма Достоевскаго къ брату начала 40-хъ годовъ полны самолюбія и молодой заносчивости. Стоитъ вспомнить, чѣмъ былъ тогда уже Гоголь и сопоставить выраженіе Достоевскаго: „Гоголь менѣе глубокъ, чѣмъ я“ (его только что стали упрекать въ подражаніи Гоголю). Успѣхъ спадалъ понемногу, а Достоевскій не вѣрилъ этому. *Романъ въ девяти письмахъ* читался у Тургенева, *Двойникъ* — у Бѣлинскаго. Тургеневъ былъ на вечерѣ, прослушалъ половину, похвалилъ и уѣхалъ, очень куда то спѣшилъ; хвалилъ введенное Достоевскимъ впервые слово *стушевался*. Съ *Двойника* началось охлажденіе къ Достоевскому Бѣлинскаго и его друзей, въ томъ числѣ, повидимому, Тургенева („удѣли не Двойника“*). Въ неограниченномъ самолюбіи и честолюбіи чистосердечно сознается Достоевскій брату. Оба порока укрѣпились, какъ противодѣйствіе падавшей волнѣ славы. Надо думать — именно самолюбіе отталкивало Тургенева. Въ острый моментъ, во время и послѣ ссоры, оба будутъ искать сѣмена вражды еще въ этомъ, первомъ періодѣ. „Я и раньше не любилъ этого человѣка лично“ — скажетъ Достоевскій, забывая о своемъ восхищеніи.

---

*) О *Бѣдныхъ Людяхъ* Бѣлинскій писалъ Анненкову: „романъ начинающаго таланта... открываетъ такія тайны жизни и характеровъ на Руси, которыя до него и не снились никому“. О *Хозяйкѣ* (1847, 1848 г.): „повѣсть до того пошла, глупа и бездарна“... „ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавши немного Гоголя. Онъ и еще кое-что написалъ послѣ того, каждое его новое произведеніе — новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о *Бѣдныхъ Людяхъ*. Я трепещу при мысли перечитать ихъ, такъ легко читаются они“. Григоровичъ въ воспоминаніяхъ (записаны больше, чѣмъ черезъ 40 лѣтъ, могутъ быть ошибочными) рассказываетъ, что произошелъ разрывъ между Достоевскимъ и Тургеневымъ. Достоевскій защищалъ своего любимца Гоголя, а также и себя (отъ упрековъ въ подражаніи Гоголю) и сказалъ, что онъ всѣхъ своихъ противниковъ современемъ „въ грязь затопчетъ“.

Тургеневъ будетъ писать: „онъ возненавидѣлъ меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничѣмъ на заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ, самыя сильныя и продолжительныя“. Все это мало убѣдительно, т. к. говорится послѣ ссоры. И однако, даже отвергая мало достовѣрныя воспоминанія о тургеневскихъ насмѣшкахъ (мало достовѣрныя, потому что они записаны людьми, не заслуживающими довѣрія и притомъ много спустя), придется все-таки признать, что Тургеневъ какъ то обидѣлъ Достоевскаго (можетъ-быть стихами), задѣлъ хотя и болѣзненную, но глубокую струну. Случилось это не очень сознательно и всплыло потомъ. Достоевскій продолжалъ увлекаться Тургеневымъ, какъ писателемъ. Въ 1848 г. вышли *Бѣлыя Ночи* съ эпиграфомъ изъ тургеневскаго стихотворенія *Цвѣтокъ*, напечатаннаго въ *Отечественныхъ Запискахъ* еще въ 1843 г.:

„Иль былъ онъ созданъ для того,
Чтобы побыть хотя мгновеніе
Въ сосѣдствѣ сердца твоего.

Ив. Тургеневъ. *)

---

*) ЦВѢТОКЪ.

Тебѣ случалось въ рошѣ темной
Въ травѣ весенней молодой,
Найти цвѣтокъ простой и скромный?
(Ты былъ одинъ въ странѣ чужой).
Онъ ждетъ тебя въ травѣ росистой,
Онъ одиноко расцвѣталъ..
И для тебя свой запахъ чистый,
Свой первый запахъ сберегалъ.
И ты срываешь стебель гибкій,
Въ пеллицу бережной рукой
Вдѣваешь, съ медленной улыбкой,
Цвѣтокъ, погубленный тобой.
И вотъ идешь дорогой пыльной,
Кругомъ — все поле сожжено,
Струится съ неба жаръ обильный,
А твой цвѣтокъ завялъ давно.

Сидя уже въ крѣпости (въ 1847 г.), Достоевскій съ жалостью пишетъ о *Холостякѣ*: „Комедія Тургенева непозволительно плоха. Что это ему за несчастье? Неужели ему такъ и суждено непременно испортить каждое произведеніе свое, превышающее объемомъ печатный листъ? Я не узналъ его въ этой комедіи. Никакой оригинальности: старая торная дорога. Все это было сказано до него и гораздо лучше его. Послѣдняя сцена отзывается ребяческимъ безсиліемъ. Кое-гдѣ мелькнетъ что-нибудь, но это что-нибудь хорошо только за нимѣніемъ лучшаго.“ Всѣ произведенія Тургенева меньше печатнаго листа, — стало быть, нравятся Достоевскому. Еще въ 1845 г. онъ убѣждаетъ брата прочесть *Андрея Колосова*, въ которомъ Тургеневъ вывелъ себя, впрочемъ нечаянно: „не думалъ себя выставлять“. Много лѣтъ спустя Достоевскій отзовется о *Трехъ Портретахъ*, какъ о произведеніи значительномъ. Сюда относятся едва начавшіяся *Записки Охотника* и, вѣроятно, стихи. Въ 1885 г. докторъ, лечившій Достоевскаго, вспоминаетъ, какъ Достоевскій, до каторги, въ семействѣ Майковыхъ, разбиралъ характеры произведеній Тургенева „со свойственнымъ ему атомистическимъ анализомъ“ и умѣлъ дать настолько цѣльные образы, что черезъ нихъ уразумѣвались малѣйшія детали произведенія. Тургенева ставилъ рядомъ съ Лермонтовымъ (послѣ Пушкина и Гоголя). Майковы тогда были живы. Своимъ молчаніемъ они подтвердили сообщенную маленькую подробность.

Онъ выросалъ въ тѣни спокойной,
Питаюсь утренняя дождемъ,
И былъ заѣденъ пылью знойной,
Спаленъ полуденнымъ лучомъ.
Такъ что жъ? Напрасно сожалѣніе!
Знать онъ былъ созданъ для того,
Чтобы побыть одно мгновеніе
Въ сосѣдствѣ сердца твоего.

Т. Л. (*Тургеневъ—Лутвиновъ*).

Затѣмъ для Достоевскаго идетъ пятилѣтній періодъ, періодъ катороги.

Какіе выводы можно сдѣлать изъ предыдущаго?

1) Достоевскій очарованъ свѣтомъ и Тургеневымъ — представителемъ свѣтскости. 2) Грандіозныя стремленія Достоевскаго, ощущеніе имъ своего могущества отталкиваютъ Тургенева, которому „милый пыщъ“ непріятенъ своимъ самолюбіемъ. 3) Они почувствовали непріязнь другъ къ другу (прикоснувшись къ чему то глубокому и важному), но не осознали ее. 4) Достоевскій преклоняется передъ Тургеневымъ художникомъ.

II.

„Помню, что выйдя, въ 1854 году, въ Сибирь изъ острога, я началъ пересчитывать всю написанную безъ меня за пять лѣтъ литературу. (*Записки Охотника*, едва при мнѣ начавшіяся, и первыя повѣсти Тургенева я прочелъ тогда разомъ, залпомъ и вынесъ упоительное впечатлѣніе. Правда, тогда надо мною сияло степное солнце, начиналась весна, а съ ней совсѣмъ новая жизнь, конецъ каторги, свобода!“. Въ крѣпости — послѣднее впечатлѣніе отъ воли — былъ Тургеневъ, теперь, въ мѣсяцы воскресенія — тоже самое. И такое же доброе отношеніе къ художнику. Въ 1856 г. Достоевскій писалъ Майкову: „За нынѣшній годъ я почти ничего не читалъ. Скажу вамъ и свои наблюденія: Тургеневъ мнѣ нравится наиболѣе, — жаль только, что при огромномъ талантѣ въ немъ много невыдержанности“. Весной 1859 г. — брату — „Тургеневу за его *Дворянское Гнѣздо* (я, наконецъ, прочелъ чрезвычайно хорошо!), самъ Катковъ, у котораго я прошу 1000 руб. съ листа, давалъ 4000 рублей, т. е. по 400 рублей съ листа. Другъ мой! Я очень хорошо знаю,

что я пишу хуже Тургенева, но вѣдь не слишкомъ же хуже и, наконецъ, я надѣюсь писать совсѣмъ не хуже. За что же я то съ моими нуждами беру только 100 руб., а Тургеневъ, у котораго 2000 душъ, по 400.“ Снова встаетъ и уязвляетъ разница социальная, а съ ней вмѣстѣ и социальная несправедливость (у Тургенева 2000 душъ, нѣтъ такихъ нуждъ, какъ у Достоевскаго). Разныя чувства испытывалъ онъ передъ аристократизмомъ Тургенева. Мы видѣли, что онъ увлекся сначала этой его чертой, онъ, писавшій потомъ апологію дворянства. Любимая эта черточка во время ссоры покажется ему уже генеральствомъ! Всегдашнее приниженіе передъ Тургеневымъ оскорбляло въ немъ чувство масштаба (смутно сознаваемую справедливость) и несоотвѣтствовало его представленіямъ о себѣ.

Они встрѣтились въ Петербургѣ въ самомъ концѣ 1859 г.

9 Апрѣля 1860 г. Литературный Фондъ ставитъ съ благотворительной цѣлью *Ревизора*. Достоевскій играетъ Шпекина, Тургеневъ (вмѣстѣ съ Краевскимъ, Майковымъ и Дружининымъ) одного изъ купцовъ. Съ 1861 г. братья Достоевскіе издають журналъ *Время*. Отношеніе Федора Михайловича съ Тургеневымъ объ эту пору — это отношеніе двухъ литераторовъ, живо осуждающихъ волнующія ихъ писательскій мірокъ новости. Это не художники, не геніи, вглядывающіеся своей интуиціей въ сокровенныя глубины бытія. Два человѣка 60-хъ годовъ, умные и тонкіе на языкъ, встрѣчаются въ психологической плоскости. Расхожденія есть, но они несерьезны и теоретичны. Больная и неуравновѣшенная психика Достоевскаго сказывалась на его полемическихъ писаніяхъ и задѣвала тургеневскую деликатность. Но тогда вообще многіе писали грубо и зло, не щадя тончайшихъ душевныхъ струнъ — грубѣе, чѣмъ сейчасъ.

Самое доброе отношеніе Тургенева къ журналу „*Время*“. Тургеневъ проситъ Достоевскаго не сомнѣваться въ его искреннемъ сочувствіи, жалуется на неправильную высылку журнала и близко къ сердцу принимаетъ его дѣла. Переводчикъ Боденштедтъ не ладитъ съ *Современникомъ* и онъ пересылаетъ его рукопись въ редакцію журнала *Время*, съ которымъ—пишетъ Тургеневъ — „я въ лучшихъ отношеніяхъ и который, хоть еще молодъ, занялъ прекрасное положеніе въ печати“. Предлагаетъ непріятные Катковымъ стихи Случевского, повѣсть Марка-Вовчка *Пустяки* (3 листа, 250 р. сер. за листъ). Она — „носитъ на себѣ отпечатокъ ея таланта со всѣми его качествами и недостатками. Вещь хорошая и, я думаю, не лишняя въ вашемъ журналѣ“. Весной 1862 г. Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ, посѣтилъ редакцію *Времени* и засталъ тамъ братьевъ Достоевскихъ и Страхова. Страховъ только что написалъ статью объ *Отцахъ и Дѣтяхъ*. Тургеневъ пригласилъ всю компанію отобѣдать въ гостинницѣ Клея (Европейской). За обѣдомъ—„онъ говорилъ съ большою живостью и прелестью, и главною темою были—отношенія иностранцевъ къ русскимъ, живущимъ за границей. Онъ рассказывалъ съ художественной картинностью, какія хитрыя и подлыя уловки употребляютъ иностранцы, чтобы обирать русскихъ, присвоить себѣ ихъ имущество, добиться завѣщанія въ свою пользу и т. д.“.

Лѣтомъ 1863 г. *Время* было закрыто, по Высочайшему повелѣнію, за статью Страхова по польскому вопросу въ апрѣльской книжкѣ журнала. Тургеневъ очень опечаленъ и пишетъ своему знакомому: „Я эту статью, помнится, пробѣжалъ и не нашелъ въ ней ничего зловреднаго. Это запрещеніе меня поразило и для Достоевскихъ, у которыхъ оно отняло хлѣбъ, и для правительства, которое не понимаетъ, что оно тѣмъ самымъ бро-